

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Сербурда

16+

Джавид Алакбарли

Гертруда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319253

SelfPub; 2022

Аннотация

Начиналась эта была история как женитьба лихого парня и великой труженицы. Парень погиб, а труженица стала Гертрудой. Ведь Гертрудами в Советском Союзе называли героев социалистического труда. А если они получали эту звезду героя дважды, то им ставили памятники в тех местах, где они родились. Вот так и сложилась эта легенда. Непростая история бронзового памятника и живой женщины, которой он был поставлен, разворачивается на фоне реальных исторических событий, вторгающихся в жизнь обычного села. Как и следовало ожидать памятник был уничтожен, а женщина изгнана из родных мест. Но кто сказал, что в этой истории должен был быть счастливый конец?

Джавид Алакбарли

Гертруда

Она обожала смотреть на свой бронзовый бюст. Благо он стоял на площади и ей было удобно это делать. Можно было придти сюда в любое время дня и сполна осознать то, что отныне их двое. Две женщины, которые спокойно могли разглядывать друг друга. Одна из них была реальна, а вторая отлита в бронзе. Реальной женщине очень нравилось разглядывать бронзовую. И совсем вблизи, с небольшого расстояния, и издалека, даже с самого дальнего угла этой площади. Ей это не просто очень нравилось. Она испытывала неведомые ей ранее чувства и эмоции лишь при одном взгляде на свою бронзовую копию. Очевидно, что бронзовая женщина никак не могла выразить то, что она чувствует по этому поводу. А может и могла. Кто его знает. Ведь она стояла неподвижно. Там, где её и поставили. И молчала.

Конечно, бюст – это не памятник. Но реальная женщина, запанибратски, называла его именно так – «мой памятник». Вопреки всем канонам жанра. А ещё она называла его Гертрудой. Так её начал называть её муж, когда она в первый раз получила звание Героя Социалистического Труда.

– Ну, всё. Теперь ты стала Гертрудой.

– Это ещё почему?

– Как почему? Герой труда – Гертруда. Элементарно.

– Никогда бы не додумалась. Буду знать. Оказывается, что у меня теперь два имени.

Теперь реальная женщина называла бронзовую Гертрудой. Что же, это было справедливо. У неё ведь было своё имя. Имя, данное ей при рождении. А у бронзовой женщины его не было. Вот и стала она Гертрудой. Всё правильно.

День, когда ей поставили этот памятник, она запомнила как праздник. За полгода до этого ей присвоили звание дважды Героя Социалистического Труда. А таким людям, согласно советским законам, полагалось ставить бюсты в их родных селах и городах. Вот ей и поставили этот памятник. В её родном селе. С тех пор, минимум два раза в день, она здоровалась с ним. Утром, когда шла на работу председательствовать в колхозе. И вечером, когда шла с работы. Поначалу видеть своё лицо, отлитое в бронзе, было достаточно непривычно. Но со временем она привыкла. И это её фамильярное обращение к памятнику тоже стало нормой.

– Привет Гертруда. Как ты?

Конечно же, памятник молчал. Но блики солнца, капли дождя или дуновенье ветра создавали иллюзию того, что памятник не остаётся безучастным к тому, что видит её. Ей казалось, что Гертруда также приветствует её. Откликается на её присутствие. Как может. Стоило лишь ей сказать: «Привет», как от памятника ей поступал некий сигнал. Как бы ответ на приветствие. Это было приятно. Хотя и являлось чистой водой самообманом. Был бы жив муж, он от души

бы посмеялся над ней.

Каждый раз, рассматривая свой бюст, она мысленно благодарила скульптора, который смог сотворить это чудо. Он был удивительным человеком. Очень простым в общении и неприхотливым в быту. Несмотря на все свои высокие звания и регалии, он общался с жителями села на равных. Быстро усвоил то, что здесь при встрече обязательно надо поздороваться с каждым человеком. И неважно, знаком ты с ним, или нет. Раз тебе довелось его увидеть, то обязательно надо его поприветствовать. Он так и делал. Даже улыбался при этом.

Скульптор целый месяц прожил у них в селе. К нему приехали. Он ходил вместе с ней в контору и на хлопковое поле. Всё время рисовал её и приговаривал:

– Не надо обращать на меня внимания. Вы работайте. Мне просто нужно немножко изучить вас. Прочувствовать. Без этого никак нельзя.

А потом он уехал. Приехал он уже с целой командой своих помощников и готовым бюстом. У них ушло немало времени на то, чтобы привести в порядок площадь и установить бюст. А потом был митинг. С бюста сняли белоснежное покрывало и тогда они в первый раз взглянули друг на друга. Реальная и бронзовая женщина. Так началось их знакомство. Дальше было проще. Они общались, практически, каждый день. За исключением того времени, когда она ненадолго уезжала из села. Ей было стыдно в этом признаться, но вдали от памят-

ника, она скучала по нему.

Она любила шутить на тему о том, что забронзовела то она давным-давно, а вот в бронзе её отлили совсем недавно. С годами её памятник, конечно же, не менялся лишь слегка темнел. Она же стремительно старела. Старили её не годы. Преждевременно состарили её не годы, а тот огромный груз ответственности, который лежал на её плечах. Подумать только, что своего первого «героя» она получила тогда, когда ей было всего 23 года. Всё-таки слишком рано она познала славу и сполна ощутила её горький вкус.

Ею гордились. Ей посвящали стихи и песни. О ней писали очерки и статьи. Она воспринимала всё это как некий фон. Это было такое обязательное приложение к её славе. Живущее, как бы, само по себе и не имеющее никакого отношения к ней.

Только сейчас, перешагнув порог старости, она начала осознавать какой же молодой была она в те годы. Сейчас ей было немного обидно, что так многое в окружающем её мире, как будто, и не коснулось её. Прошло мимо. Вокруг кипела жизнь. Люди влюблялись и женились, разводились и рожали детей, засевали поля и разводили скот. Кругом всё время что то происходило. Все эти события как бы обходили её стороной.

Она просто собирала хлопок. Хлопок был её судьбой, её предназначением, её радостью и её проклятием. Уставала она так, что ни на что, кроме сна, не было ни сил, ни време-

ни. Может у других и жизнь, и карма, и предназначенный им удел были другими. Не такими, как у неё. На её долю выпал лишь тяжелый труд. И не менее тяжёлая ноша ответственности за чужие судьбы. Тешила себя тем, что многого в своей жизни она сама себя лишила. Не то, чтобы кто то ей чего то недодал, или отобрал. Она сама себя многого лишила и многое у себя сама отобрала.

В послевоенной деревне мужиков было мало. А молодых и пригодных к семейной жизни, практически, не было. По деревенским понятиям, ей уже было достаточно много лет. А выйти замуж было просто не за кого. И тут в деревню приехал Он. За рулём. На новенькой полуторке. Молодой, высокий, красивый. Его не портила даже изрядно уже потрёпанная военная форма. Приехал из райцентра к другу однополчанину. Тот вернулся в деревню ещё в середине войны. Без ног. Передвигался на сделанной из дощечек маленькой платформочке, помогая себе какими-то незамысловатыми приспособлениями, одетыми на руки.

Инвалид был весёлым и заводным. И, несмотря на своё ужасное увечье, быстро женился и обзавёлся детишками. В деревне по-доброму, подшучивая, говорили о том, что «инвалид то инвалид, а дело своё знает». Приезжий парень привёз своему другу какое-то кресло на колёсиках собственной конструкции. И сразу же, вчерашний инвалид, недостающий взрослым мужикам до пояса, приобрёл на селе особый вес и положение. На него уже не смотрели сверху вниз. Разговор

глаза в глаза как-то сразу превратил вчерашнего изгоя почти в полноценного члена общества. А героем дня, конечно же, был этот красивый парень, придумавший такое рукотворное чудо для своего однополчанина. Вот такие у него были мозги – придумывать то, до чего ещё никто и никогда не додумался.

Рано утром, когда она собиралась на работу, мать ей сказала:

– Этот приезжий парень на тебя глаз положил. Жениться хочет. Ко мне приходил.

– Он же меня совсем не знает. А я его и разглядеть толком не успела.

– Вот выйдешь замуж и разглядишь. Нечего чужого мужика рассматривать.

Их быстренько расписали в сельсовете. Сбор хлопка был закончен, и он поехал с ней на сессию в сельхозинститут. Парень он, видимо, был башковитый и со своим дипломом политехникума, ухитрился оказаться в вузе на третьем курсе. Какие – то экзамены он сдавал, что-то обязался сдать в следующую сессию. Ректор всё посмеивался и приговаривал, что для таких бравых героев – фронтовиков, да ещё с уникальными мозгами, никакие правила не писаны. Действительно, он ухитрился через пару лет получить диплом. Почти одновременно с ней. Его чудо-рукам и недюженному уму, в послевоенной деревне, где вся техника дышала на ладан, конечно же, нашлось применение. Пусть и не совсем достойное

его мозгов и рук умельца.

Она рано потеряла отца, а мать у неё была достаточно суровой женщиной. Вырастила она её в строгости, без всякого баловства. Руки девочки ещё не могли дотянуться до коробочки хлопкового куста, а она уже стала ходить вместе с матерью в поле и собирать хлопок. Мать носила с собой небольшую табуреточку. Дочь взбиралась на неё, добирая хлопок вслед за матерью. Сначала лишь то, что укрывалось от глаз матери, потом приноровилась работать наравне с ней.

Много лет спустя, когда она уже стала знаменитостью, к ней приезжало немало корреспондентов, желающих познать тайны этой знаменитой сборщицы хлопка. Среди них были и такие, которые со скепсисом воспринимали её рекордные показатели. В их глазах было затаившееся недоверие, а на устах застыл так и незадаанный вопрос:

– Это сколько же народу собирали этот хлопок, записывая его под твоим именем?

Какое же огромное удовольствие она испытывала, когда видела их ошарашенные лица. В следующий раз её удостоили того, что сняли весь процесс уборки на камеру, желая показать миллионам зрителей в новостях, какой же скорости могут достигать эти проворные девичьи пальцы.

Новоиспечённый муж тоже, видимо, воспринимал её как часть хлопкового поля. Ей было обидно, что он называл её Коробочкой. Ласково называл. Но обидно было всё равно. Не той коробочкой, которая просто маленькая коробка, а ко-

робочкой хлопкового куста. Он не уставал повторять, что нужно много солнца и воды, много тепла и света, чтобы эта коробочка созрела, лопнула и подарила всем нам белоснежное чудо по имени хлопок. Он не уставал повторять, что она – это его хлопковое чудо. Коробочка.

– Я – твоё солнце, Коробочка.

Это была его постоянная присказка. Это солнце действительно умело греть. В его лучах она купалась, грелась, нежилась, теряя девичью угловатость.

Не в материнском доме, а в снятой им на время осенней сессии квартире, она впервые почувствовала себя женщиной. Он не уставал говорить ей, что судьба сама подарила ему такое сокровище. Долго рассказывал ей о том, какая же она красивая и умная. Она верила и не верила. Боялась верить. Не только словам, но и фактам. Она долго не могла поверить даже в то, что этот обаятельный парень является её мужем. Это неожиданно -негаданно свалившееся на неё счастье она воспринимала, как какой-то незаслуженный ею подарок. Через девять месяцев она родила сына. Успела. Ведь самым главным для неё было не просто забеременеть, а успеть родить до начала сбора хлопка.

Осенью она опять ставила рекорды, побивая свои собственные. И лишь тогда, когда закончилась вся эта хлопковая вакханалия, она впервые в жизни поняла, что такое счастье. Счастье быть рядом с настоящим мужчиной. Она плохо верила в то, что она та самая единственная, о которой он всю

жизнь мечтал. Хотя он и говорил ей постоянно об этом, но она себя всё время одёргивала – не верь. Кто знает. Может первые три года так оно и было. Счастье похожее на сказку. Какой-то холодок внутри себя она почувствовала после очередного хлопкового марафона. Вроде внешне ничего не изменилось. Но интуиция подсказывала ей, что за это лето, она перестала быть его единственной женщиной.

Подсознательно она допускала, что в его жизни могут появиться и другие девушки. Время было тяжёлое. Сколько красивых девок, недолюбленных, недоцелованных, неприка-янных и просто несчастных. Они с нескрываемым вожде-лением смотрели на него просто как на самца-производителя. Некоторым из них нужна была всего одна ночь и ребёнок, зачатый от него.

У него же была любимая присказка: «Я не бабник. Я всего лишь жалостливый мужик, позволяющий себе изредка осчастливить тех, кому не хватает мужского внимания. Если, конечно же, они очень попросят об этом». Очевидно, что просили. Свою присказку же он никогда при ней не озвучивал. Она случайно услышала эти бьющие наотмашь слова. Как то он со своим другом-инвалидом отмечал праздник. Стол был всё ещё накрыт, но водка уже выпита. Друзья просто болтали. И чёрт её дёрнул так невовремя вернуться домой. Всё же есть вещи, о которых лучше не знать. Но теперь она знала. Правда, потом он уверял её, что это была всего лишь дурацкая шутка.

К его чести, ей следовало бы признать, что он никогда не ходил налево в её родном селе. Из своих периодических загулов, когда он уезжал в город на пару дней, он всегда возвращался с подарками и преисполненный огромным чувством вины. Это была запретная тема в их доме. Такая же запретная, как табак и алкоголь. Они об этом просто никогда не говорили вслух.

Она точно знала, что он её любит. И никогда её не бросит. Но также чётко понимала, что ни пить, ни курить, ни гулять он не перестанет. Тогда это был бы другой человек. И неизвестно смогла бы она любить его с той страстью и восторгом, которые вызывал в ней этот удивительный мужчина. Да и в памяти чётко осели материнские слова о том, что с мужиками нужно обходиться так же, как с собаками: «Вовремя кормить, никогда не ругать и регулярно отпускать погулять».

Пять лет. Недолгих пять лет длилось это её счастье. Ровно до того памятного дня, когда она стала председателем колхоза. Первые полгода он ещё терпел, а потом предъявил ей свой ультиматум.

– Посмотри на себя. Ты приходишь с работы выжатая как лимон. На тебе лица нет. Ты перестала замечать и меня, и ребёнка. Всю свою энергию ты отдаёшь чужим людям. А мы? Это же просто работа. Надо уметь вовремя остановиться, а не доводить себя до изнеможения.

Она что-то пыталась объяснить. Он не слушал. Второй его ультиматум был предельно категоричен.

– Или мы уезжаем отсюда, или я ухожу от тебя. Ты же не карьеристка. Зачем тебе всё это?

Всю оставшуюся жизнь она мысленно будет отвечать ему на этот вопрос, находя всё новые и новые аргументы. А он уедет. Да и отвечать уже будет некому. Спустя полгода после того, как он перебрался в город, его не стало. Немного больше водки, чем следовало бы, было выпито, немного больше дождя на извилистой дороге и не вовремя отвернувшаяся удача. Всё это вместе привело к тому, что она в одночасье стала вдовой. Перестала быть его женой. Но не успела при этом даже развестись с ним. И всё же стала именно его вдовой.

Услышав весть о его смерти, она чётко знала, что будет делать. Перевезла его тело, организовала похороны и поминки. В знак траура оделась во всё чёрное. Сперва это был траур по мужу. Пусть и по бывшему. Потом одежда чёрного цвета стала её второй кожей. И она уже не снимала этот траур. По существу же, это был траур по самой себе. Как по женщине. Умер он и умерла женщина в ней. Осталось бесполое существо. А ещё осталась холодная постель и его точная маленькая копия. Его сын.

Малыш, с первых дней своей жизни, прекрасно понимал, насколько занята его мать и умел сам развлекать себя. Потом он пошёл в детский сад, который организовала она. Детский сад был весь из себя образцово-показательный. Как и её сын. Она и не заметила, как рано он научился читать. Лишь удив-

лялась тому, как он легко перешагивал из одного класса в другой. Пойдя в школу в пять лет, он уже к двенадцати годам он уже кончил восьмилетку.

Журнал «Квант» был его любимым развлечением. Когда там печатали фамилии школьников, раньше всех решивших довольно сложные задачи этого научно-популярного журнала, то там часто мелькала его фамилия. Он не любил демонстрировать матери свои успехи. Когда же он стал победителем республиканской олимпиады по физике в Баку, мальчишка попросили пригласить родителей. Он честно заявил всем этим дядечкам и тётечкам в какой-то солидной комиссии, что отца у него нет, а у матери нет времени заниматься такими глупостями. Если что-то нужно передать ей, то он может сделать это сам.

Вернувшись из столицы, мальчик просто сказал матери, что его приглашают в школу-интернат с физико-математическим уклоном.

– Я очень хочу поехать туда. Ну, пожалуйста, разреши мне. Я буду хорошо себя вести и вовремя буду кушать.

У него было слегка виноватое выражение лица, когда он просил её об этом. Конечно же, нутром она всегда понимала, что её мальчику не досталось тех крепких крестьянских генов, которые так привязывают её к земле. Они у него были совсем другие. Отцовские. Она не могла не догадываться и о том, что, по существу, её муж ушёл из жизни, не реализовав даже частичку заложенного в нём от природы потенциа-

ла. Она считала, что ей не нужно горевать об этом. Так уж сложилось. Сын же был преисполнен гораздо больших амбиций, чем его отец. Он хотел познавать тайны мироздания. А к ним в деревне не приобщишься.

Умом она всё понимала. Душой и сердцем просто недоумевала. Его жажда знаний порой просто пугала её. Но выбор был сделан. И она была обязана уважать его. Даже, если это и был выбор маленького человечка. Она поехала вместе с ним в столицу, обустроила мальчика в этом интернате. С тех пор, хотя бы раз в месяц, она была вынуждена приезжать к нему. Просто так, чтобы проведать его. Заглянуть в глаза. Покормить чем-то вкусным. Это было нужно прежде всего ей. Для самоуспокоения. Она никогда не спрашивала ни его, ни себя о том, а нужно ли это ему.

Закончив школу, он захотел уехать в Москву. В университет поступил легко. Теперь их встречи сводились к тому, что она во время своих поездок на сессии Верховного совета, заглядывала к нему в общежитие. Или же он приезжал к ней в гостиницу «Москва». Они обедали, говорили о том, о сём. Но при этом холодок между ними никогда не исчезал. Она стеснялась сына, казавшегося ей абсолютно чужим человеком. Боялась показаться ему глупой и никчемной. Женщиной, которая являлась, по существу, частью хлопкового поля. Коробочкой.

Иногда она с улыбкой убеждала себя в том, что на самом деле всё было изначально predetermined тем, что они смот-

рят в разные стороны. Он с самого детства смотрел вверх, в небо. Всё пытался понять, как же там всё устроено. А она всю свою жизнь смотрела вниз. На хлопковый куст. Вот поэтому им так трудно понять друг друга. Она плохо себе представляла, чем забита его голова. Лишь догадывалась, что чем-то нужным и важным. Но ей непонятным.

На лето в деревню он не приезжал. Оправдывался тем, что в лаборатории много работы. Отпуск брал редко. Времени на науку ему всегда не хватало. Он так не женился, хотя она прекрасно видела, что женщин в его жизни хватает. Утешала себя тем, что, может быть, он так и не встретил ту единственную. А может это, всё-таки, отцовские гены в чём-то себя проявляли. Правда, сын не пил и не курил. Но погуливать погуливал. Словом, чем старше он становился, тем дальше отдалялся от неё своим непонятным стремлением разгадывать те тайны природы, которые до него не успели разгадать, и побыть с теми женщинами, с которыми он ещё не успел тесно пообщаться.

Как же она жалела, что ей так и не довелось родить дочь. Наверняка, та не была бы такой холодной и равнодушной, каким вырос её сын. Нет, он безусловно любил её, относился к ней с огромным уважением. Но от него за версту веяло холодом. А может потому и не было в нем тепла, что, в своё время, он его недополучил от матери. Ведь, по существу, его вырастили воспитатели и учителя. Словом, чужие люди. А она, в это время, либо собирала хлопок, либо где-то заседа-

ла, либо решала множество проблем, очень и очень далёких от судьбы и интересов своего собственного сына.

Он так и не вернулся в Баку. Не то что в родное село. Она понимала, что он и Баку то рассматривает как провинцию. Научную провинцию. По скупым его рассказам она знала, что он работает там, где очень востребован и занимается чем-то очень важным. Она плохо разбиралась в этом. Когда её спрашивали, она говорила, что сын работает в каком-то институте. Без подробностей. Да, она их, попросту, и не знала.

Конечно же, она гордилась им. Но в этой гордости было и какое-то осознание собственной ущербности. В мечтах ей всегда представлялось, что её сын вырастет крепким хозяином. Что заботы родного села станут для него такими же близкими, какими они были для его матери. Редкие его приезды она воспринимала как праздник. При этом, она не могла не замечать, что практически на третий или четвёртый день, в глазах сына поселялась вселенская тоска и весь его облик говорил о том, как же он мечтает поскорее отсюда уехать. Вот так они и жили. Разделённые расстоянием в две тысячи километров и пропастью взаимного недопонимания. Он был один и она была одна. Но какие же разные были эти два одиночества.

Её не раз снова звали замуж. Но никто из этих новоявленных кандидатов в мужья не смог зацепить её сердце настолько, чтобы она дала своё согласие. Похоронив мужа и мать,

она привыкла к своему одиночеству.

Когда много лет тому назад, ей предложили стать председателем колхоза, первым её порывом было сказать категорическое нет. Было страшно. Неуютно и боязно. Во-первых, председатель просто обязан быть мужчиной, а она женщина. Во-вторых, председатель должен быть в годах, а она молода. И, наконец, председатель должен быть суровым и грозным человеком, а она не умела даже толком сердиться. Добрых же председателей не может быть в принципе. Но председателем она в конце концов стала. И став им, она смогла разрушить множество стереотипов о том, что такое женщина, на, так называемой, руководящей должности.

Она была уверена, что на востоке, да и не только на востоке, за спиной женщины всегда должен стоять защитник и покровитель. Если этого нет, то жизнь женщины превращается либо в ад, либо в постоянную борьбу за выживание. Эта борьба порой убивает в ней настоящую женщину. Ломает и ужесточает её. Несмотря на образование, наличие или отсутствие ума, в этом обществе, выстроенном по сугубо мужским законам, женщина – это всегда чья-то женщина. Принадлежность её какому-то мужчине, предопределяет её место и положение в обществе. Лишь состарившись, она приобретает собственный вес и авторитет. Нередко даже занимает положение главы рода. Уважение и почёт в преклонном возрасте предопределяются многими вещами. В том числе и тем, что в старости пол перестаёт играть такую важную роль, как это

бывает в молодости.

Она чётко понимала лишь одно. Она одна и за ней никто не стоит. Одна – одинёшенька. Ей надо было поверить в собственный ум, в свою интуицию, в свои организаторские способности, чтобы состояться как руководитель. Это было очень непросто. Она знала только одно. С самого начала осознавала, что в мире есть единственная сила, на которую она может всегда опереться. Этой силой были, конечно же, такие женщины, как она сама. Те, кто вместе с ней собирал хлопок. Все те, с кем её объединяла радость общего труда. И чувство удовлетворения оттого, что работа сделана настолько хорошо, что можно гордиться плодами своего труда.

Женщины их села никогда ничего не слышали о гендерном балансе, о правах женщин, о феминизме. Но они с молоком матери впитали в себя уверенность в том, что мужик должен зарабатывать и нести всё в дом. А женщина обязана вести хозяйство и воспитывать детей. Других вариантов этого сюжета традициями не предусматривалось. Колхозы разрушили всё это в одночасье. Появилась новая оптика восприятия жизни.

Так уж сложилось, что хлопок, как стратегическое сырьё, определял весь уклад и распорядок жизни в колхозе. А хлопок – дело тонкое. Машинная сборка портила этот нежный продукт. Ему нужны были заботливые женские пальчики и любовь. Собранный машиной хлопок пахнул железом и бензином. Хлопок же, собранный женскими руками, пахнул

только самым хлопком. Да и качеством он был на порядок выше. Именно хлопок сделал женщин их села самыми главными действующими лицами в этой колхозной эпопее. Они собирали хлопок. Много хлопка. Осенью получали деньги, которые не только позволяли им безбедно прожить весь год, но и начать строительство нового дома, справить свадьбу детям, купить в дом всё то, о чём раньше и мечтать не могли. Благо, наконец то, за каждый килограмм собранного хлопка, перестали платить гроши. И это было просто замечательно.

Она гордилась тем, что при ней колхоз, действительно, стал опорой каждой семьи. Она многого смогла добиться. Прежде всего того, что их колхоз стал колхозом – миллионером. За эти годы она узнала о колхозах практически всё, что можно было узнать. Много раз ездила в Среднюю Азию, по обмену опытом. Восторгалась качеством их хлопка. Постигала простую истину, что колхоз может быть миллионером, но сами колхозники при этом могут бедствовать. А буквально, где-то рядом может быть нищенский колхоз, в котором люди нормально живут. Непросто было найти баланс между потребностями каждой семьи и нуждами колхоза. Через несколько лет она поняла, что смогла достичь такого баланса. Вопреки всем писанным и неписанным законам колхозной жизни.

Жить всё же стало веселее. Из деревни исчез голод и недоедание, бывшие нормой и в годы войны, и после неё. Все эти машины, трактора, комбайны, в какой-то мере, обеспе-

чили работой мужчин. А ещё село стало застраиваться, расти, расширяясь и хорошея. Количество осенних свадеб свидетельствовало о том, что молодые не бегут отсюда в город. Наверное, всё это могло появиться здесь и без неё. Но ведь появилось именно после того, как председателем стала она. Может совпадение, а может и нет. Кто знает.

А потом грянула перестройка. Поначалу всем казалось, что это сказка. Хорошая и добрая сказка, которая может стать былью и сделать жизнь всех намного лучше. А потом оказалось, что это страшная сказка. Из этой сказки, как из ящика Пандоры, стали вылезать на свет невиданные чудовища. Эта сказка смогла напоить немало людей таким ядом, что они стали одержимы демонами разрушения. Сказку тиражировали, размножали, внушали людям ложные иллюзии, которые не имели ничего общего с реальной жизнью.

Её сельчане были очень законопослушными людьми. Проблемы для всех них создавали лишь несколько деревень. Их жителей называли пришлыми. Все в их селе знали, что, когда их сюда переселяли, коренных жителей лишили летних пастбищ. Раньше их край жил по чётким, сложившимся не за один век, правилам. Их тучные стада паслись на зимних пастбищах, дожидаясь весны. Но как только она наступала, все перемещались с равнины в горы, на летние пастбища.

Вроде бы такое небольшое расстояние отделяло эти пастбища друг от друга, но как же они разнились. Если на равнине уже в мае солнце превращало зелёную траву в несъе-

добную ссохшуюся труху, то горных пастбищах она была настолько сочной, что просто радовала глаз. После переселения пришлых, вся эта система отгонного животноводства была уничтожена. На их летних пастбищах пришлые поставили дома.

Когда в конце 80-х годов возник первый конфликт с пришлыми, в село приехали корреспонденты и брали у неё интервью. Кто-то из них спрашивал её о том, что читала ли она знаменитое письмо Грибоедова. Она честно ответила, что нет. Он протянул ей несколько листочков:

– Можете оставить их себе. Это интересно.

Дома она прочитала эти странички и поразились тому, насколько чётко был поставлен вопрос о том, что отобранные у коренных жителей летние пастбища для заселения переселенцев, нарушают веками сложившийся уклад жизни и неизбежно должны привести к конфликтам и столкновениям.

В ту ночь она не спала. Всё думала, что каким же мудрым был этот поэт и дипломат. Всё учёл, кроме одного фактора. Коренные жители этих мест были слишком терпеливыми людьми. Чтили закон и порядок. В их дальней и ближней истории, было немало случаев, когда у них много чего отнимали. Они умели мириться с потерями и учились жить в новых условиях.

Но пришлые были совсем другими. Им было нелегко на новом месте. Местные все помогали, им чем могли. И как данность, как решение каких-то непонятных им сил, воспри-

няли то, что теперь они соседи. Такая обречённость на соседство предполагала выстраивание нормальных отношений. Их они смогли выстроить. Усилиями обеих сторон. Конфликты возникли лишь тогда, когда здесь появилось множество подстрекателей, призывающих к установлению абсолютно новых порядков.

А потом сюда начали приезжать эмиссары и завозить оружие. Они уверяли всех, что нужно совсем немного усилий и их цели будут достигнуты. Большая страна вот-вот развалится, и тогда их маленькая, но гордая общность, сможет обрести невиданные ранее права. Жизнь станет раем, в котором каждый из них заживёт припеваючи. Только ради этого стоит рискнуть и изгнать всех из этих краёв. Они говорили, что всё здесь заминируют и будет это называться поясом безопасности.

У пришлых была чёткая цель, выработанная стратегия и тактика. Всё это было явно хорошо продумано очень умными людьми, живущими очень далеко от этих мест. А у таких наивных людей, как она, были лишь растерянность и недоумение. Потом пришлые взяли в руки оружие и стали стрелять. Это уже был беспредел. В такое невозможно было поверить. А ещё труднее было смириться с этим, как с новой реальностью.

Жители села начали постепенно покидать его. Когда снаряды попадают в дом справа и в дом слева, поневоле, принимаешь решение уехать. Скрыться. Поселиться там, где ру-

жья не стреляют, бомбы не взрываются, и ты не становишься живой мишенью для какого-то снайпера. Сначала вывезли стариков, женщин, детей. Потом очень быстро пришло понимание того, насколько неравны силы. И тогда наступила пора, когда и мужчины начали уезжать. При этом они говорили, что их участь была изначально предрешена – они были обречены на поражение. Потом пришли они. Пришлые. Начали всё минировать. Строить окопы и блиндажи. Новая реальность вступала в свои права.

Когда наступила пора сбора хлопка выяснилось, что он отныне никому и не нужен. Практически, все коробочки уже раскрылись. Ветер выдёргивал нити хлопка и разносил их по окрестностям. Прекрасный урожай просто пропадал. В конце концов он так и погиб.

В ту ночь она долго не могла уснуть. Забылась лишь под утро. Ей приснился удивительной красоты сон. Она стояла посередине хлопкового поля. Хлопок уже созрел и требовал уборки. Такой прекрасного хлопка, она не видела никогда в жизни. Поневоле она спросила:

– Откуда такое чудо?

И неведомый голос отвечал ей.

– Это твоё поле. Но таким оно будет только через 30 лет. Запомни эту дату. Ещё 30 лет эти поля никто засеять не будет. Ещё 30 лет эта земля будет оставаться мёртвой. И ничего не родит. И на ней и из-за неё будут умирать люди. Вначале подрываясь на минах, которыми её начинили. А потом,

возвращая себе право обладание ею. Посмотри на этого человека. Запомни его лицо. Именно он освободит эти земли. И вернёт каждому из вас чувство собственного достоинства. А это, наверное, самое главное для человека. Помолись за него.

– Как же это так? Ещё 30 лет? Я столько не проживу.

– Да, не проживёшь. Но ты должна знать, что это произойдёт. Помни это. А твоё хлопковое поле всегда будет помнить тебя. Оно всегда помнит тех, чьим трудом становится возможным появление такого белоснежного чуда. И ты помни об этом, Коробочка.

Она проснулась в холодном поту. Именно тогда она приняла решение, что всё-таки надо уезжать. Впервые за многие годы она чувствовала свою обречённость. И свою беспомощность. Подумать только – ей велели помолиться. Какой парадокс судьбы. Она выросла в стране воинствующего атеизма. Она не умела молиться. Её никто и никогда этому не учил. Священные книги всех народов в этой стране заменил манифест коммунистической партии. Страны, сделавший атеизм своей официальной идеологией, уже не существовало. Но истинная вера продолжала жить в людских сердцах. Ничем себя не выдавая. Она смогла вобрать в себя не только мудрость священных книг, но и отразить те древние верования, которые бытовали на этой земле много веков тому назад. Такие как вера в древо желаний.

У них в селе все свято верили в то, что достаточно завя-

зять на ветке огромного дуба, стоящего у старинного кладбища лоскуток от собственной одежды и желание могло исполниться. Но только в том случае, если это было идущее от сердца искреннее желание. Этот дуб они и называли деревом желаний. Знали, что у дуба не стоит просить ничего, что хотя бы отдалённо было связано с жадной обогачения. Но если помыслы твои были чисты, то желание обязательно исполнялось. Прежде чем уезжать из села, она всё же решила пойти к дереву желаний.

Подошла к дубу. Желаний загадала два. Первое было о том, чтобы все они вернулись. Вновь вернулись в своё родное село. И неважно вернётся ли лично она или не вернётся. Но пусть обязательно вернуться все, оставшиеся в живых, жители, их дети, внуки, правнуки. И главное, пусть из небытия вновь возродится их село. Такое же красивое, каким оно было.

Второе желание её было связано с человеком, который в её сне освобождал эту землю. Она не смогла запомнить его лица. Что то в нём казалось ей смутно знакомым. Она повязала все эти лоскутки на древе, пожелав, чтобы никто и ничто не смогло бы остановить этого Освободителя. Чтобы дорога, ведущая его к победе, была легка, а все его планы смогли стать реальностью. Всем сердцем она желала этого.

А потом она заглянула на старинное кладбище. Сейчас здесь уже никого не хоронили. Сюда изредка наведывались учёные. Но гораздо чаще них приходили бездетные женщи-

ны. Некоторые приезжали издалека. Кладбище было не только старинным, но и странным. На могилах вместо памятников располагались фаллосы. Покрытые мхом и лишайником, почерневшие от времени, они казались порождением чьих-то буйных эротических фантазий.

Никто на селе и не помнил сколько лет этому странному ритуалу. Согласно нему, каждая женщина, жаждущая стать матерью, выбирала один из этих фаллосов и тёрлась об него животом. Как правило, приезжала через год уже с младенцем. Поблагодарить. Принести в жертву барана или петуха и раздать жертвенное мясо. Если кто-то не беременел, то сведущие в этом люди уверяли, что фаллос был выбран неправильно. Не тот фаллос или не для этой женщины. Пробовали вновь. Но следующий контакт мог состояться лишь через год.

Когда она впервые попала на это кладбище, то была поражена. Её пронизывали два противоречивых чувства – безумный стыд и безграничное любопытство. Жизнь в деревне, как правило, рано приобщает всех к естественным тайнам природы. Ей было совсем не стыдно видеть здесь эти каменные изваяния мужских достоинств. Ей было стыдно за то, с каким остервенением женщины тёрлись об эти бесчувственные камни. В этом было что-то одновременно и сакральное, и интимное. Как будто мир мёртвых помогал миру живых в исполнении самых сокровенных желаний. Почему-то от одного вида этих женщин ей тогда стало жутко. Но вместе с тем

именно здесь на кладбище она поняла одну простую вещь. Оказывается, что жажда материнства может вынудить женщину переступить через многое. Иногда даже через то, что когда-то казалось ей очень правильным.

Рядом с дубом располагался дом сторожа, присматривающего за этим кладбищем. Его как-то поставили этнографы, опасаясь за сохранность этого уникального исторического объекта. Они же и платили зарплату сторожу. Ещё раз попрощавшись с деревом желаний, она почувствовала некую лёгкость на душе. Только ведь попросила, а ей уже казалось, что всё это обязательно исполнится. А ещё она постаралась запомнить всё это. И дуб, и кладбище многое хранили в своей памяти. Так много человеческая память вместить не может. Она, вообще, мало что может, особенно если эта память старого человека.

Она последняя уезжала из села. Далеко уехать не смогла. В них начали стрелять именно у этого старинного кладбища. Ребята, которые вывозили её из села, были убиты выстрелами снайперов рядом с этой сторожкой. Верхом на мотоциклах они представляли собой идеальную мишень. Она же осталась в коляске мотоцикла, заваленная их телами. Живая. Когда обстрел прекратился, она поползла до дома сторожа. Сняла с плеч рюкзак, легла на пол и отдышалась. Домик был уже разграблен, но из него их село просматривалось, как на ладони. Она вытащила из рюкзака военный бинокль, настроила его и стала смотреть. В селе уже хозяйничали пришлые.

У неё было два бинокля. Один из них был театральным. Он напоминал ей о тех счастливых днях, когда, будучи депутатом, она ходила в театр. В Баку и в Москве. Как депутат она могла купить любые билеты в любой театр. Но, по-настоящему, она любила лишь оперетту и балет. В те годы у неё было стопроцентное зрение и, конечно же, этот красивый театральный бинокль был ей абсолютно не нужен. Разглядывать в упор чужие морщины ей не хотелось. Но она купила его лишь потому, что он был красив. В сегодняшней реальности он напоминал ей о той фантастической жизни, которая когда-то у неё была. Стал символом и свидетельством того, что всё это было, а не приснилось ей.

А потом у неё появился военный бинокль. Чисто случайно. Он тоже, фактически, тогда был ей не нужен. Понадобился он лишь тогда, когда пришлые развернули свою военную кампанию. Он также смог стать символом. Символом трагедии, печали и невозполнимых утрат. Они всегда лежали перед ней. Рядом. Счастье и несчастье в одном комплекте. Заботливо завёрнутые в мягкую замшу. Укрытые от пыли и грязи. Уезжая, она захватила лишь военный бинокль. Именно в него она и разглядывала всё то, что начало происходить в её родном селе.

Первой их жертвой стал её памятник. Она чётко видела в окулярах бинокля, как они его «казнят». Сначала было выпущено множество пуль именно в глаза Гертруде. Потом сбили нос. Не пощадили ни ушей, ни рта. Скоро подошло под-

крепление. И мощный залп какого-то, неизвестного ей оружия, полностью уничтожил бронзовую женщину. Её Гертруду. У неё было такое ощущение, что именно в этот момент, её сердце превратилось в холодный камень.

Когда не стало памятника, пришлые взялись за её дом. Она гордилась тем, что он хоть и не был большим, но безусловно был самым красивым в их селе. Просто так получилось. Она не приглашала архитекторов, ни с кем не советовалась, кроме сельского каменщика. Он и построил ей дом её мечты. Только мечтала она жить в нём с мужем и детьми. А жила одна. Сын был далеко, муж – в могиле.

Сначала они вынесли мебель. Потом снесли и увезли крышу. А когда очередь дошла до стен, то их начали разрушать очень быстро, складывая кирпичи в какую-то телегу. Видимо рассчитывали на то, что где-то поблизости будут что-то возводить. Наверяд ли новый дом. Скорее всего окопы или блиндажи.

Когда-то она гордилась тем, что практически в их селе не было ни одного убогого дома. Теперь уже нечем было гордиться. Все дома уничтожались. Один за другим. У неё уже не было сил смотреть в бинокль. Не было сил горевать. Не оставалось даже слабой надежды на то, что когда нибудь всё утрясётся. Село уничтожили. Его просто сравняли с землёй. Хлопковые поля уже поросли сорной травой. Жизнь потеряла всякий смысл. Ей оставалось только верить. Как долго сможет жить вера без надежды? Кто знает.

И тогда раздался выстрел. Стрелял снайпер. Отблески на стёклах её бинокля привлекли его внимание и вынудили его выстрелить. Говорят, что снайперы всегда так поступают. Её спасла птица, взлетевшая за окном. Разбитым окном. Птица же и стала жертвой снайпера.

Так они и лежали. Разделённые просёлочной дорогой. Реальная женщина и бронзовая женщина. Одна была целой. Пока живой. Но, по существу, была просто живым трупом. Другая была разнесена на тысячу осколков. Бронзовая женщина была младше на тридцать лет. Но уничтожили их одновременно. Их уничтожила людская злоба, ослеплённость ложными иллюзиями и целями, желание претворить в жизнь какие-то чудовищные планы, превратив при этом человеческие жизни в мелкую разменную монету.

Её случайно обнаружили те, кто приехал похоронить тела молодых ребят, лежащих вокруг своих мотоциклов. Их похоронили на этом старинном кладбище. На кладбище, где давным-давно никого уже не хоронили. А её увезли в Баку. Приехал сын и забрал её в Кёльн. Именно там он теперь и работал. Она прожила рядом с ним некоторое время. Но так, как должен и может прожить живой труп. Что-то ела, куда-то ходила, чем-то занималась.

Последние дни своей жизни она всё время думала о том, что может быть она не должна была жить так долго. Её эпоха, её время закончились. Она была лишь остатком, рудиментом тех давно прошедших дней. Одним из последних осколков

исчезнувшей империи.

А была ли женщина? Ведь от всего того, чему она посвятила жизнь, ничего не осталось. Она родилась обычной женщиной. Но смогла стать одной из тех Созидательниц, благодаря которым жизнь на земле становится чуть лучше. А на каждую такую Созидательницу обязательно найдётся такая тёмная сила, которая своей разрушительной энергетикой сметёт с лица земли всё то, что создавалось с такой любовью. Зачем? Почему? Ответы на эти вопросы найти очень трудно. А может быть их вообще нет. Разве всё, что происходит на этой грешной земле имеет какой-то высший смысл? Кто знает.